

Л.В. Головина

<ВОСПОМИНАНИЯ О Ф.М. ДОСТОЕВСКОМ>

В середине сентября 1875 <г.> по совету друга моих родителей профессора С.П. Боткина я должна была обратиться к д-ру Л.Н. Симонову, кот<орый> только что изобрел совершенно новый в России способ лечения всех грудных болезней сгущенным воздухом (Гагаринская ул., 5; впоследствии дом Сольских). Помещение это была комната в виде колокола без окон, свет сверху <под> стеклянным потолком. Я отправилась к Симонову с моим мужем – доктор очень любезно предложил нам, не откладывая до другого раза, начать в тот же день лечение, <сказал>, что уже есть больные и, прибавив, что, видя, что я взволновалась, узнав, ч<то>, войдя с другими пятью больными под колокол, я не смогу иметь возможности выйти и должна буду просидеть назначенные два часа, т. к. машиной вне колокола час сгущался воздух, и маленькая дверь, через кот<орую> впускали больных, герметически закрывалась, и никакая сила не могла открыть, пока опять час разряжали воздух. Симонов сказал, ч<то> он сам будет сидеть около меня. Мой муж тоже вошел с нами; всего было шесть кресел, совсем плотно стоявших один к другому.

Кто был на первом сеансе, я не могла бы и сказать. Муж мой нашел этот способ лечения крайне неприятным и тут же уговаривал меня отказаться, тем более, ч<то> мы узнали, ч<то> курс лечения не может быть менее 3-х или 4-х или более месяцев. Я решила приходить ежедневно одна. На второй раз доктор опять вошел с нами под колокол и опять сел рядом со мною с левой стороны. Я начала оглядывать всех, с нами находящихся, и увидела рядом со мной с правой стороны человека с очень бледным, т. е. желтым лицом, очень болезненным, и, глубоко согнувшись в кресле с книгой

в руках, как бы ушедшего в интерес книги, не обращая никакого внимания на окружающее его; затем была еще одна женщина г-жа Назимова, генерал Ган и еврей. Когда машина, гудевшая очень шумно, что означало, ч<то> дверь закрылась герметически, мой сосед с правой стороны, не меняя своего глубоко сидячего положения и держа «Русский Вестник» в руках, повернул немного свою голову в мою сторону и через стекла не помню очков или пенсне сказал мне с иронией: «Сударыня, я слышу, что Вы очень нервны, <что> за Вас все боятся, все волнуются, так я должен Вам сказать, что я эпилептик, что припадки падучей болезни у меня очень часты». [В это] Сказав это, он так сильно, почти задыхаясь, раскашлялся, что я не могла и ответить ему. Когда же он успокоился, я повернулась совсем к нему, и, как он потом любил мне повторять, будто он услышал ангельский голос и увидел добрые глаза, и серьезно я сказала ему: «Господь милостив, ничего с Вами не будет, и можно ли говорить обо мне, о моем испуге и как это все может на мне отразиться? Скажите мне, на всякий случай, чем и как Вам помочь в случае надобности. Услыхав эти мои слова, он приподнялся, положил книгу на колени и громко, совсем другим голосом сказал, осматривая меня с головы до ног:

– Так вот вы какая!

С этой минуты у нас завелся с ним оживленный разговор, и я не обращала никакого внимания на доктора, желавшего ухаживать за мной и постоянно отвлекавшего меня разными вопросами, на кот<орые> я почти не отвечала. Первый сосед смеялся и радовался. Я на этот раз и не знала, с кем я так подружилась. Мы простились, обещая друг другу прийти на следующий день. Д-р Симонов, будто оттого, что он тоже только что узнал, ч<то> мой сосед страдает падучей болезнью, выдумал пересадить меня, я, конечно, протестовала, и мы снова уютно стали разговаривать. Сосед первый спросил

мое имя, говоря, ч<то> он не умеет говорить, не употребляя имя и отчество. Мы отрекомендовались, и я тут только узнала, что мой милый незнакомец был Федор Михайлович Достоевский. Я высказала ему мой испуг, что я так много и просто болтала с ним. Мы продолжали видеться ежедневно, сидя под колоколом, он перестал приносить свою книгу, остальные больные и сам доктор сердились, что мы почти не обращались к ним в наших беседах.

Федору Мих<айловичу> очень хотелось иметь фотографию колокола, всю нашу группу, и наш богатый еврей, кот<орый> с нами лечился, взялся привести фотографа, и мы все сели на свои места, но этот [несносный] еврей все балагурил, мешал фотографу, желая быть особенно на виду – одним словом, снимок не удался. Достоевский до того рассердился до того был раздражен, что я не знала, как и чем его успокоить, и предложила пойти ко мне пить чай. Ему очень понравился весь дух квартиры, как он сам выразился, и он тут же просил у меня разрешения приходить очень часто. Я была в восторге, я находила большое удовольствие слушать его. Я не любила свет, выезды. У меня было две девочки: старшей 2 ½ года, второй год.

До мая месяца Федор Мих<айлович> приходил почти ежедневно; если где он читал, то я обязательно должна была идти и сидеть в первом ряду; когда он приходил ко мне, то приносил какую-нибудь книгу – тогда вышла «Анна Каренина». Делал свои замечания, обращал мое внимание на те или другие выражения, объясняя, ч<то> каждый писатель вводит свои не только выражения, но новые слова в литературу. Я всегда мешала ему читать вслух, т. к. кончалось всегда сильным приступом кашля. Я любила слушать его рассказы, с непритворным интересом следила за всяким его словом. Помню, что он часто говаривал мне, ч<то> раздражительность его дома доходит до того, что писать он ничего не может, ч<то> домашние ему мешают. Усиленно, непременно требовал познакомить его с моими родителями,

говоря, ч<то> ему надо знать, чьи черты характера привились ко мне. Рассказывал вообще много случаев из его жизни и студенческого кружка, помню, как живо и интересно он говорил про тот день, когда его арестовали. Перед предполагаемым моим отъездом в Малороссию, в Полтавскую губ<ернию> Гадячского уезда, мы условились писать друг другу. Он собирался ехать лечиться и, как видно из его письма ко мне, был в Эмсе в 1876 году – я конечно отвечала ему, переписка установилась дружеская, но скорее грустная, писем этих у меня нет. На самом деле я после видела его всего два раза, оба раза уже больным. В 1877 году у меня было много перемен в личной жизни, моя вторая девочка умерла, я была после ее смерти очень больна, уехала за границу, никого не хотела видеть. Затем мой муж захворал, тоже поехал за границу, а я...

Примечания

РО ИРЛИ. Ф.230 (Архив Е.П.Летковой-Султановой). № 660. [1920]. 2 лл. Головина (урожд. Карнович) Любовь Валерьяновна. Воспоминания ее о Ф.М.Достоевском. Черновая рукопись, карандаш. Конец отсутствует. Ранее печатались в составе воспоминаний Е. Летковой-Султановой: Леткова Ек. О Ф.М.Достоевском. Из Воспоминаний // Звенья. Вып. 1. М.; Л., 1932. С. 473-475. См.:

<http://lib.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=ww5b6DDAIfM%3d&tabid=10826>

Л.В. Головина была дочерью вице-директора департамента общественных дел Е.П. Карновича и О.В. Месаренс, отдаленной родственницей писателя Е.П. Карновича и женой Евгения Сергеевича Головина, камергера, помощника главного инспектора шоссежных и водных сообщений. Рассказ Л.В. Головиной Е.П. Леткова приводит в подтверждение того, что Достоевский «в особенности в последний год своей жизни, имел очень много друзей в “высшем свете” и охотно поддерживал отношения с ними. Я через много лет (1920 г.) случайно увидела подтверждение этого. Одна дама из б. большого света, Л.В. Г., обратилась ко мне с вопросом: не купит ли кто-нибудь у нее письмо Достоевского, случайно уцелевшее у нее после разгрома ее имения? В эту эпоху при “Доме литераторов” издавался журнал “Летопись”, и литературный материал был нам нужен. Я взяла от Л.В. Г. письмо (несомненно, написанное самим Достоевским) и попросила ее изложить мне историю его» (Звенья. Вып. 1. М.; Л., 1932. С. 473). Далее следует мемуарный рассказ Л.В. Головиной, приведенный со значительными

сокращениями. Заканчивается он словами: «Переписка установилась дружеская, но грустная...».

Что касается письма Ф.М. Достоевского к Л.В. Головиной, то оригинал его Головина потом передумала продавать его и получила от Е.П. Летковой обратно, но машинописная копия с него в конечном итоге попала в Пушкинский Дом и была опубликована. См.: *Битюгова И.* Неопубликованное письмо Ф.М.Достоевского // *Русская литература.* 1961. № 4. С. 143-147. Письмо это датировано 23 июля / 4 августа 1876 года. См. также: *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1986. Т. 29. Кн. 2. С. 109 – 111 – и примечания к нему, в которых цитируется черновая рукопись мемуарного очерка Л.В.Головиной по автографу ИРЛИ: Там же. С. 260.

Как отмечает И.А.Битюгова,¹ сеансы лечения сгущенным воздухом, которые Достоевский и Л.В.Головина принимали в пневматической лечебнице Л.Н.Симонова, в действительности проходили не в сентябре, а в феврале 1875 г.

В Записной тетради Достоевского 1875-1876 гг. (РГАЛИ. Ф. 212. I. 15. Л. 92 (с. 181) записан адрес Л.В. Головиной: «На углу Кирпичного переулка и Мойки, дом № 7, кв. 13. Головины». С ошибочным указанием страницы Записной тетради напечатано: Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1985. Т. 6. С. 25 (публ. Т.И. Орнатской).

¹ *Битюгова И.* Неопубликованное письмо Ф.М.Достоевского // *Русская литература.* 1961. № 4. С. 145.